

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. А. Сорокин

Современное состояние России

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-3-17-Sorokin.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

П. А. Сорокин

1. ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ

... / Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасное общество. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития.

Легко понять отсюда, что для исторических судеб любого общества далеко не безразличным является: какие качественно элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период времени. Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава населения в ту или другую сторону.

Изменения, испытанные населением России в этом отношении, типичны для всех крупных войн и революций. Последние всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться худшие, т. е. людей второго и третьего сорта, И в данном случае у нас погибли преимущественно элементы: а) наиболее здоровые биологически, б) трудоспособные энергетически, в) более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически.

1. За эти годы из разных возрастных слоев всего более потерпели ущерб самые здоровые и трудоспособные возрастные классы. Если общий процент уменьшения населения равняется 13%, то возрастные слои от 15 до 60 лет уменьшились на 20%, а мужская часть этих возрастов на 28%. Отрицательная селекция войны и революции отсюда ясна.

2. Погибли преимущественно мужчины, а не женщины. До 1914 г. на 1000 мужчин приходилось 1038 женщин, теперь — 1250. Население России «обабилося». В городах это уменьшение мужской половины еще значительнее.

3. Так как калеки и вообще лица биологически дефективные не берутся в армию, то процент их гибели был значительно меньшим, чем лиц здоровых.

4. Население европейской России потеряло в войне почти 1/7 часть, население азиатской России — только 1/30. Это значит, что война и революция унесли главным образом те элементы, которые строили Россию, составляли ее ядро. *... /*

5. В силу той же причины в меньшей мере пострадали и лица морально дефективные. Во время мировой войны они в армию не брались, следовательно, не подвергались риску гибели. За время же революции условия как раз благоприятствовали их выживанию.

6. Процент гибели лиц выдающихся, одаренных и умственно квалифицированных за эти годы опять-таки несравненно выше, чем процент гибели рядовой серой массы. Во всякой войне, а особенно в гражданской, крупные лица всегда были мишенью, которую в первую очередь стремится уничтожить другая сторона. Римский лозунг: щадите покорных и добивайте гордых — остается верным и по сей день. Он оправдался и в нашем опыте. В армии процент гибели офицеров за эти годы был гораздо выше, чем процент гибели солдат. Почти все наше кадровое офицерство погибло еще в мировой войне. Заменявшее его офицерство из прапорщиков также почти поголовно легло костьми на полях гражданской войны. С самого начала войны мужская половина наших высших учебных заведений почти вся была мобилизована и скоро очутилась на поле битвы, где и погибла. В течение же гражданской войны этот слой умственно квалифицированных лиц поредел катастрофически. 30—40 тысяч — вот минимальная цифра гибели людей этого рода, т. е. их погибло в 6—7 раз больше, чем рядовой, умственно не квалифицированной массы.

Выдающиеся же ученые, писатели, художники и т. д., эти уникалы любой нации, погибли еще в большем проценте. Мы лишились большого числа мировых и крупных ученых и поэтов, прямо или косвенно погибших от войны и революции. Мы потеряли большую часть нашей интеллигенции, более всего страдавшей от ужасов и тягот этих годов. Общая смертность таких слоев повысилась в 6—7 раз по сравнению с довоенным временем. Короче, и без того бедные культурными силами, за эти годы мы стали прямо нищими. «Мозг и совесть» страны вымерла в Колоссальном размере и продолжает вымирать...

Оглядываясь на нашу историю, я принужден признать расовые свойства наших предков отличными. Волею судеб мы принуждены были постоянно воевать. Это значит — губили носителей лучших расовых свойств и все же сумели создать могучее государство и ряд великих, общечеловеческих ценностей. Если бы наши предки были наследственно неодаренными, давно уже история России была бы кончена. И обратно, не будь на нашей истории этой проклятой печати милитаризма, мы не только не отстали бы от Запада, а, быть может, уже опередили его. Но сие не дано. Мы воевали и воюем, т. е. мотовски губим свои лучшие силы. Наступавшие небольшие передышки частично позволяли несколько компенсировать ущерб. Но всему есть предел и мера. Последние восемь лет причинили в этом отношении ущерб огромный, непоправимый.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО АГРЕГАТА

... / Во-первых, Октябрьская революция ставила своей задачей разрушение социальной пирамиды неравенства — и имущественного, и правового, — уничтожение класса эксплуататоров, тем самым эксплуатируемых. Что же получилось? Простая перегруппировка. В начале революции из верхних этажей этой пирамиды массовым образом были выкинута старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. И обратно, снизу на верх были подняты отдельные обитатели «социальных подвалов». «Кто был ничем, тот стал всем».

Но исчезла ли сама пирамида? Ничуть. Если слепым сначала казалось, что она исчезнет, то только в начале революции и только слепым. Через два-три года разрушаемая пирамида оказалась живой и здоровой. Внизу снова были массы, наверху — командующие властители. Последние были еще более привилегированы, чем старая власть, первые — еще более обделены, чем раньше. При старом режиме у них все же были кое-какие права и гарантии, у власти — ряд ограничений, за которые она ни юридически, ни фактически не могла переступить. Теперь у массы и гражданина не оказалось никаких прав, даже права на жизнь. Она превратилась в случайность, гражданин — в улитку, которую мог раздавить и давил — без разбора рабочего и крестьянского происхождения — каблук первого встречного комиссара. Власть и ее агенты стали неограниченны. Они могли вмешиваться во все. Нормой стало: *Quod principi placuit, legis habet vigorem*. Ни законов, ни гарантий, ни прав — вот объективный результат «порвательства».

Имущественное равенство? О, мы его наблюдали все эти годы. Оно осуществлялось в «коммунизациях», «реквизициях» и «национализациях», вплоть до последней пары ложек и белья. Но в пользу кого и кем? Агентами власти и ее клиентами в пользу самих себя. Конечно, это не мешало иногда бросать обглоданную кость и крохи якобы в пользу общества и бедноты, но только крохи, и то жалкие.

Это «равенство» проявлялось, далее, в том, что в 1918—1920 гг. массы — интеллигентный пролетариат, рабочий класс и крестьянство — умирали с голода на 1/16 или 1/8 фунта хлеба, верхи жили на пайке «чего душа хочет». Там было все, вплоть до тропических фруктов, автомобилей и нескольких любовниц. А теперь это «имущественное равенство» может видеть всякий экспериментально пусть он побывает в России, посмотрит, как живут в Москве и в других местах власть имущие, их квартиры, стол, одежду, автомобили и т. д., и как там же валяются на улицах голодные, и оборванные люди. Для этого достаточно пройти по двум-трем улицам. Контраст нищеты и роскоши в современной России больше, чем в любой «буржуазной» стране. Пропась между «уровнем жизни» коммунистических и спекулянтских верхов и умирающей от голода многомиллионной массы значительно больше, чем между «уровнем жизни» Моргана и американского рабочего. В итоге революции и правовое, и имущественное неравенство не уменьшилось, а усилилось. Пирамида стала не покатье, а круче и острее. Трагедия «молота и наковальни» не только не оказалась преодоленной, но еще более усиленной.

Мало того. Если бы ряд глупых людей вздумали утешать себя тем, что «все же, мол, на верхи, на командующие позиции попали люди низов», то и это утешение их теперь беспочвенно. В течение 1921—1922 гг. совершилась и продолжает совершаться обратная «циркуляция»: множество рабочих и крестьян, попавших на верхи в начале революции, теперь обратно выбрасывается оттуда. И наоборот: множество лиц, выкинутых в 1917—1918 гг. из командующих позиций на низы, теперь снова поднялось в status quo ante. В армии наверху снова старый генералитет и офицерство, разбавленное процентом «новичков». В комиссариатах, кроме членов коллегий, остальные директора и начальники департаментов — старые «спецы»; здесь немало старых министров, товарищей министров, директоров и вице-директоров, членов комитета министерств и экспертов. Так дело обстоит во всех этих «Госпланах», «Совнархозах», «Наркоматах».

... Революция провозгласила принцип автономии народов, областей и децентрализацию. На бумаге она как будто провела свои обещания. На месте Российской империи теперь числится ряд автономных советских республик и областей. На деле же Россия сейчас централизована гораздо сильнее, чем раньше. Все эти автономные республики имеют чисто фиктивное существование и представляют простые вывески, скрывающие суть дела. Всем и вся управляет Москва, даже не Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, не Совнарком и даже не РКП, а «Политбюро Рос. Коммунист. партии» в составе пяти человек. Сюда стянуты все провода управления, и отсюда исходят все «токи» власти. Остальное — простые исполнители приказов этой пятерки. Как французская революция, по справедливому замечанию Токвиля, только довела до предела основные свойства старого режима, в том числе и тенденцию централизации второй половины XVIII в., так и русская революция довела до предела дурные стороны старого режима, в частности его деспотизм, тиранию, его несправедливость, его централизацию и бюрократизацию. Если царизм не давал возможности развитию земского и городского самоуправления, не признавал автономии национальностей и областей, то революция пошла еще дальше по этому пути, прикрыв свое дело архиваутономными лозунгами и вывесками.

... Такое же полное банкротство случилось и с диктатурой пролетариата. В стране, где пролетариат составлял не больше 3-4% населения, такая диктатура, если бы она и была осуществлена, могла бы быть только тиранией пролетарского меньшинства над большинством. Фактически и этого не было. В 1917—1918 гг. мы имели власть, составленную из интеллектуалов, из лиц, никогда не работавших на заводе или на поле, вышедших из средних буржуазных классов (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Красин, Чичерин, Луначарский, Менжинский и т. д.), но опиравшихся на стихийное движение значительной части армии, крестьян и рабочих. Став во главе движения, мастерски используя усталость от войны, недовольство от ухудшения материальных условий, желание отобрать помещичьи земли, они были вынесены на верх этими массами. Заняв верховные командующие позиции, они допустили на подчиненные места множество выходцев из крестьян, рабочих и солдат. Наученные опытом, зная непрочность своего положения, они с первых же дней захвата власти принялись за организацию армии своих преторианцев. Создав аппарат насилия и террора в виде ЧК, они тем самым положили начало перерождению власти трудовых масс во власть тирании над этими массами.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

... Верным было и остается утверждение, гласящее; за годы революции народное хозяйство России разрушено «вдрызг», оно продолжает разрушаться и сейчас. Введение новой экономической политики замедлило, однако, темп этого разрушения, кое-где даже дало симптомы его остановки, но только кое-где, и симптомы ненадежные. Я не сомневаюсь, что предоставление свободы частной инициативе, юридическое введение частной собственности и ее правовых гарантий повлекло бы быстрое, сравнительно, возрождение экономической жизни страны. Но увы, власть, давши маленький простор «личному стимулу», не дает ему развернуться, душит его и потому мешает ему дать свои положительные следствия.

Опыты «коммунизации» и «государственных капитализмов» разорили страну. Такое положение вещей неволей заставило коммунистов «бить отбой» и начать заманивание капитала. Отсюда — новая экономическая политика, денационализация мелкой и средней промышленности, щедрое обещание аренд, концессий, распродажа России и готовность предоставления капиталистам львиных выгод и процентов, без «признания собственности», но с правом пользования, владения и распоряжения на 50 и даже на 99 лет. Это у нас называется непризнанием собственности! Но увы, капитал, который так

рьяно разрушали, не идет, несмотря на все приманки. Из предприятия, предназначенных к аренде, сдано не больше 70%, причем взяты в аренду предприятия небольшие, главным образом мельницы, хлебопекарни и т. п., не требующие вложения капиталов. Основным мотивом их аренды был мотив «снятия жира», т. е. разграбления остатков сырья, инструментов и машин арендаторами в свою пользу. Общее число рабочих на этих предприятиях очень невелико. Часть этих договоров теперь снова расторгается. О крупных и больших концессиях, где требуются вложения капитала, пока говорить серьезно не приходится.

В итоге этой политики «назад к капитализму», введшей снова в игру выключенный стимул личного интереса, замечается некоторое оживление торговли, производительности в деревне, не постигнутой голодом, в мелкой промышленности, освобожденной от цепей национализации, но все это в скромных размерах. Бесправный режим и система произвола тормозят возрождение экономики. Что же касается крупной индустрии, пока еще не денационализированной, то она продолжает разрушаться и приносит все больший дефицит, словом — агонизирует.

Система «государственных трестов», т. е. государственных богаделен и синекур для коммунистов и спекулянтов, где они в качестве членов правления получают огромные оклады, но не несут — в отличие от предпринимателя — риска, куда поэтому попало много дезорганизаторов, а не организаторов хозяйства, где нет стимула к энергичной работе, ибо оклады обеспечены, а риска нет, эта система успешно способствует агонизации. Бесконечное число органов, «регулирующих» хозяйство, — Советы народного хозяйства, Совет труда и обороны, Госплан, Всероссийский совет профсоюзов, «Совнаркомы» и «Наркоматы» и т. д., с невыясненностью и столкновением их функций, с патриотизмом своего ведомства, стремящимся «подставить ножку» другому ведомству, с взаимной борьбой и антагонизмом — все это еще сильнее ухудшает и без того безнадежное состояние национализированной тяжелой индустрии и ведет к ее вымиранию.

4. ПОЛОЖЕНИЕ ВЛАСТИ

Здесь не место доказывать, что коммунистический строй у нас установился не случайно.

... Основными причинами — родителями — такого общества были всегда две причины: война и голод или обеднение масс при наличии имущественной дифференциации. Чем сильнее (при прочих равных условиях) количественно поднимались «независимые переменные» войны и голода, тем резче деформировалась общественная организация в сторону так называемого коммунистического, или этатического, или государственно-капиталистического типа, с полной централизацией, неограниченным объемом опеки, вмешательства и регулировки властью поведения и взаимоотношения граждан, с ничтожным объемом автономии поведения последних, иначе говоря, тем сильнее область публично-правовых отношений вытеснила из всей области отношений долю отношений частно-правовых.

Мы на протяжении всей истории были народом милитарным, воевавшим много, часто и в большом масштабе. Мы же на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в XIX и XX вв. Мудрено ли поэтому, что уровень «этатизма» или «коммунизма» у нас стоял всегда высоко. Он выражался в гипертрофированной централизации старого режима, в его абсолютизме и деспотизме, в отсутствии у нас автономии лиц и групп, в отсутствии «свободы и прав личности».

Мировая исключительная война со следовавшим за ней расстройством экономической жизни, недоеданием и голодом, повысившие уровень этатизма или военно-голодного коммунизма во всех воюющих странах, должны были у нас довести его до максимума. Ибо мы дольше всех воевали и понесли максимальные потери, ибо у нас сильнее всего разваливалась экономика, ибо, наконец, посева войны и голода у нас пали на подготовленную всей нашей историей благоприятную почву. Эти силы определенно поворачивали «маховое колесо истории» в сторону этатизма-коммунизма, и последний должен был расцвести у нас пышным цветом. Он был «плоть от плоти, кость от кости» всей нашей истории, отмеченной печатью голода и войны, а следовательно, и их функцией — этатизмом-коммунизмом.

... Чем прочнее будет мир, чем скорее будет расти «сытость» населения, тем быстрее будет «эволюция» и тем скорее будет конец «коммунизму» и данной власти. Кто же придет на ее место? Какой политический строй водворится? Какая партия будет у власти? Придет на ее место власть крестьянская, и править будет новая партия — партия, выражающая интересы крестьян-собственников, партия умеренно-демократическая, с сильно выраженным мелкобуржуазным кооперативным началом.

Если спросят меня, почему я так определенно высказываюсь за будущую власть как за крестьянскую, я отвечу: потому что сейчас нет в России других сколько-нибудь социально весомых групп. Пролетариат и раньше составлял у нас ничтожный процент — теперь его почти нет. Крупные землевладельцы — ликвидированы. Старая буржуазия и раньше слабая — также. Новая еще не успеет превратиться в значительную силу. «Средние слои и интеллигенция» — и раньше незначительные — разгромлены. Остается крестьянство, абсолютно тоже несколько ослабленное, но относительно — по сравнению с другими слоями — усилившееся и на своих боках, путем горького опыта, кое-что усвоившее, в частности понимание своих интересов, связь судьбы государства со своей судьбой и необходимость играть игру, называемую «политикой» и «борьбой за власть». Оно поняло и многое другое: свое значение и роль как класса, отличие своих интересов от интересов пролетариата и других групп, необходимость политической организации и т. д.

Появилось сильнейшее чувство (и сознание) национализма. Таков реальный плод усиленной прививки «интернационализма». Ответом на тысячи попыток вытравить национальную культуру, национальное сознание, национальный лик, традиции и быт; ответом на усиленную пропаганду интернациональных идей; реакцией на бесчисленные оскорбления национального достоинства и ценностей, чинившихся гг. «интернационалистами»; защитительной мерой против опасности гибели народа и перехода из главных актеров истории на роль безликих статистов; ответом на засилье иностранцев и инородцев в революционной русской жизни; ответом на эксплуатацию русского народа этими «интернациональными подонками всех стран» — вот чем является современный рост национального сознания.

... Рядом с чертой национализма столь же резко выступает вторая черта современной массовой идеологии. Это — глубокое отвращение ко всем идеологиям коммунизма и даже социализма. Если раньше они легко прививались ко всему населению, кроме аристократии и буржуазии, если русская интеллигенция была — в массе — социалистически настроенной, то теперь дело обстоит наоборот. Теперь Россия «иммунентна» к таким учениям. Слово «коммуния» стало одиозно ругательным. Сильно дискредитированы и все те рецепты, идеологии и учения, которые имели или имеют какую-либо связь с коммунизмом.

От коммунизма последних лет теперь уже нет ничего, кроме золы, копоти и тиранического правительства. Русский народ переварил стадию анархии, переварил коммунизм, остается переварить теперь только неограниченный деспотизм.